

Къ вопросу о молитвахъ за гр. Л. Н. Толстого.

Отвѣтъ священнику совершившему отпѣваніе на могилѣ гр. Л. Н. Толстого.

Всѣ мы еще хорошо помнимъ, сколько шуму, разныхъ страстей и недоумѣній поднялось при смерти Л. Н. Толстого около вопроса объ его церковномъ погребеніи и о молитвахъ за него.

Правда, очень многіе старались воспользоваться именемъ Толстого въ своихъ цѣляхъ и устраивать своего рода демонстраціи. Въ этомъ отношеніи русскій писатель Арцыбашевъ справедливо обращалъ вниманіе, что одни, не принявшіе въ своей жизни ни одного слова изъ вѣры Толстого, изобразили такое отчаяніе, точно потеряли голову. Другіе, которые открыто выявляли себя по духу врагами Толстого, запѣли въ унисонъ осанну и вѣчную память. Третьи приспособили кончину Толстого для цѣлей пропаганды идей чуждыхъ Толстому. Четвертые, которые соглашались съ Толстымъ въ отрицаніи обрядностей церковныхъ, искренно ихъ отрицали и смотрѣли на молебны и панихиды, какъ на комедію, страшно испугались, какъ бы Толстого передъ смертью не вернули въ лоно Церкви, а потомъ въ бѣшенство пришли, что по немъ не хотятъ служить церковныхъ панихидъ. Пятые его трупомъ, какъ дубиной, начали драться съ правительствомъ ¹⁾.

При такихъ условіяхъ въ разныхъ крикахъ и требованіяхъ относительно Толстого, естественно, оказалось много лжи, лицемерія и партійныхъ расчетовъ. Но нельзя, конечно,

¹⁾ Записки писателя о Толстомъ. М. Арцыбашева, „Итоги недѣли“ 1911 г. № 1.

отрицать, чтобы вмѣстѣ съ этимъ немало людей искренно желали возможно правильнаго рѣшенія вопроса выдвинутаго кончиной Толстого и останавливались передъ нимъ въ большемъ недоумѣннн.

Какъ бы тамъ ни было, а вопросъ о молитвахъ за людей не принадлежащихъ къ Церкви, въ связи съ кончиной Толстого, рѣзко выступилъ передъ общественнымъ сознаниемъ и попытаться сдѣлать о немъ тѣ или другія разъясненія составляетъ одну изъ современныхъ потребностей. Необходимость разъясненій по этому вопросу еще болѣе увеличилась послѣ того какъ недавно на могилѣ гр. Толстого въ Ясной Полянѣ было совершено какимъ-то пріѣзжимъ священникомъ отпѣваніе его по православному обряду. По поводу этого случая много писалось въ газетахъ, при чемъ нѣкоторые выражали даже сомнѣніе, что все это могъ продѣлать настоящій православный священникъ. Теперь дѣло начинается все болѣе и болѣе разъясняться. Въ газетахъ появилось письмо священника совершившаго отпѣваніе, въ которомъ онъ открываетъ мотивы своего поступка.

Вотъ что пишетъ этотъ все еще скрывающій себя священникъ:

„Прочитавъ все, что касается молитвы на могилѣ и въ домѣ Л. Н. Толстого, я съ своей стороны, какъ главный виновникъ этого событія, скажу нѣсколько словъ. Я никогда не думалъ, что это событіе породитъ столько противорѣчивыхъ толковъ и писаній во всѣхъ органахъ печати. По моему убѣжденію, молиться за кого бы то ни было никому не запрещено, и никто запретить не можетъ. За самаго тяжелаго преступника просить милости у Владыки міра сего, а ужели человѣку за человѣка нельзя просить прощенія грѣховъ и заблужденій у Создавшаго человѣка Милосердаго, Всепрощающаго Творца-Бога, Который Сына Своего Единороднаго послать на землю пролить Свою Божественную кровь за грѣхи міра, а не извѣстную группу людей, Который человѣколюбія ради Своего прощать тяжкихъ грѣшниковъ, осужденныхъ уже людьми. І. Христосъ заповѣдалъ намъ, недостойнымъ, молиться за враговъ, и добро творить ненавидящимъ насъ. Если Л. Н. Толстой—врагъ православія, каковымъ онъ и былъ, то развѣ нельзя о немъ помолиться, да проститъ Господь Богъ его прегрѣшенія. Христіане пер-

выхъ вѣковъ, эти дѣти вѣры и любви, молились за своихъ гонителей и мучителей. Самъ Господь Богъ нашъ І. Христосъ, на крестѣ вися, молился за Своихъ мучителей,—„не вѣдаютъ бо что творять“. Душа человѣка послѣ смерти отходитъ къ своему Творцу, и Тотъ будетъ судить душу и укажетъ ей мѣсто вѣчнаго пребыванія. Намъ православнымъ извѣстно, что молитва и добрыя дѣла за умершаго грѣшника на землѣ приносятъ благодатную пользу душѣ на небѣ. Всякій христіанинъ, а церковь—какъ любящая мать, должны помолиться о погибшихъ своихъ чадахъ и братьяхъ и просить у Создателя прощенія грѣховъ, а не запрещать молиться. Я глубоко вѣрю въ искупительную жертву міра— Христа и потому поѣхалъ на могилу Льва Николаевича и помолился Господу Богу и просилъ въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ простить грѣхи его вольные и невольные... Развѣ можно, выражаясь языкомъ земли, оставить душу человѣка—брата, сына одного Отца, на произволь судьбы, когда и послѣ смерти можно дать облегченіе душѣ? Нѣтъ, нельзя. „Молитесь за враги ваши“, а не сказано—за какихъ: личныхъ ли, или общественныхъ. И я помолился, и всегда молюсь передъ престоломъ Всевышняго. „за всю братію, за вся христіаны, за не пребывающихъ въ свѣтъ Христовой вѣры и за любящія и ненавидящія ны“.

Религіозныхъ убѣжденій Л. Н. я никогда не раздѣлялъ и не раздѣляю, потому что онъ, по моимъ убѣжденіямъ, заблуждается, а о прощеніи у Того, передъ Кѣмъ онъ заблуждается, я помолился и молюсь. Совершая молитву, у меня не было и нѣтъ никакихъ цѣлей, а только чистая молитва грѣшника за грѣшника, и я доволенъ уже тѣмъ, что доставилъ духовное утѣшеніе гр. Софіи Андреевнѣ, которой тяжело было, какъ глубоко вѣрующей христіанкѣ, переносить „отверженіе“ своего любимаго мужа.

Говорятъ, что абсурдъ отпѣвать спустя два года послѣ смерти. Глубоко ошибается, кто такъ думаетъ: помолиться никогда не поздно. Чинъ отпѣванія не есть паспортъ на проѣздъ за-границу міра сего въ другой, какъ на землѣ, который нуженъ въ моментъ переѣзда, а есть молитва... Да и въ нашей православной церкви случается такая практика, что приходится совершать отпѣваніе спустя нѣкоторое время послѣ погребенія, на примѣръ въ Сибири и др. отдаленныхъ

углажь нашего отечества, гдѣ не всегда есть священникъ.

Я зналъ и знаю, что мнѣ за это грозить со стороны Св. Синода, но если Св. Синодъ накажетъ меня, какъ любящая мать наказываетъ своего провинившагося сына, то наказаніе „пріемлю и ничегоже вопреки глаголю“. Священникъ, помолившійся о грѣшной душѣ раба Божія Льва.

„24-го января 1913 года.“

Тяжелое впечатлѣніе производитъ это разъясненіе! Оно усиливаетъ собой разные тревожные признаки той спутанности понятій, которая замѣчается теперь относительно церковной идеи и условій ея реализаціи въ сознаніи многихъ современныхъ людей и—грустно сказать—даже самихъ пастырей, призванныхъ на служеніе Церкви.

Православный священникъ, появившись не извѣстно откуда, внѣ предѣловъ своего прихода и можетъ быть даже своей епархіи, совершаетъ православное отпѣваніе и кого-же?—того, кто, по утвержденію самого священника, былъ врагомъ православія, кто при жизни былъ объявленъ отпавшимъ отъ Православной Церкви, кто въ отвѣтъ на это ясно засвидѣтельствовалъ объ отсутствіи у него какой-либо связи съ Церковью и даже о своей враждѣ къ ней, кто открыто заявилъ, что понимать Христа Богомъ и Ему молиться онъ считаетъ великимъ кощунствомъ, кто смотрѣлъ на священниковъ какъ на обманщиковъ, кто, по его собственнымъ словамъ, написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они при его смерти не допускали къ нему церковныхъ служителей ¹⁾.

Свой образъ дѣйствій неизвѣстный священникъ старается оправдать тѣмъ, что „молиться за кого бы то ни было никому не запрещено и никто запретить не можетъ“. Христосъ, поясняетъ священникъ, заповѣдалъ намъ молиться за враговъ. Самъ Онъ молился за Своихъ мучителей. Христіане первыхъ вѣковъ молились за своихъ гонителей. „Всякій христіанинъ, а Церковь, какъ любящая мать, должны помолиться о погибшихъ своихъ чадахъ и братьяхъ и просить у Создателя прощенія грѣховъ, а не запрещать молиться“.

Прежде всего въ аргументаціи священника бросается въ

¹⁾ Отвѣтъ Л. Н. Толстого Синоду, Берлинъ 1901 г.

глаза произвольная замѣна одного понятія другимъ и смѣшеніе разныхъ понятій. Устанавливая на основаніи Евангелія необходимость молитвы за нашихъ враговъ, духовный авторъ письма, въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ понятіе нашего врага подмѣняетъ понятіемъ какого бы то ни было умершаго лица, а затѣмъ самый вопросъ о молитвѣ за нашихъ враговъ онъ сливаетъ съ вопросомъ объ употребленіи церковнаго чина погребенія православнаго христіанина относительно людей порвавшихъ связь съ Православной Церковью.

При такихъ логическихъ дефектахъ, конечно, можно притти къ какому угодно заключенію, но только не къ тому, какое можетъ насъ убѣждать.

Правда, Христосъ сказалъ: „молитесь за обижавшихъ васъ и гонящихъ васъ“ (Мтѣ. V, 44, Лук. VI, 28). Правда, первомученикъ Стефанъ, побиваемый камнями, воскликнулъ: „Господи, не вмѣни имъ грѣха сего“. (Дѣян. VII, 60). Правда, Спаситель молился о распинающихъ Его: „Отче, прости имъ, ибо они не знаютъ, что дѣлаютъ“ (Лук. XXIII, 34). Но какимъ логическимъ приемомъ можно вывести отсюда необходимость молитвы за всѣхъ умершихъ людей безъ исключенія, наприм., за сознательныхъ враговъ Самого Христа?

Напротивъ, въ св. Писаніи, на которомъ старается обосноваться священникъ, встрѣчаются ясныя указанія, что молитва обязательна далеко не по отношенію ко всѣмъ. Священнику, конечно, хорошо извѣстно приглашеніе великаго проповѣдника любви къ ближнимъ св. апостола Іоанна Богослова молиться за брата согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти содѣланной апостоломъ оговоркой: „Есть грѣхъ къ смерти, не о томъ говорю, чтобы онъ молился“ (1 Іоан. V, 16). Что же это за грѣхъ? По разъясненію VII Вселенскаго Собора. „грѣхомъ къ смерти называется такой грѣхъ, когда совершающіе его остаются неисправимыми. Но хуже этого то, когда гордо возстаютъ противъ благочестія и истины, предпочитаютъ мамону повиновенію Богу и не держатся Его постановленій“¹⁾.

Священникъ, конечно, знаетъ слова Христа, приводимыя у трехъ евангелистовъ: „Кто будетъ хулить Духа Святаго,

¹⁾ Правило 5. Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ. Изданіе Казанской Дух. академіи т. VII Казань 1891 г. стр. 304.

тому не будетъ прощенія во вѣкъ, но подлежить онъ вѣчному осужденію“ (Марк. III, 29. Срв. Матѳ. XII, 30—32 и Лук. XII, 9—10).

Священникъ не можетъ забыть указаніе прощальной бeсѣды Спасителя съ учениками: „Если бы Я не пришелъ и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ“ (Іоан. XV, 22).

Въ книгѣ пророка Іереміи находится указаніе, что великія беззаконія людей могутъ вести къ тому, что Богъ отвергаетъ ихъ отъ Своего лица. Относительно такихъ людей пророку было сказано. „Ты же не проси за этотъ народъ и не возноси за нихъ молитвы и прошенія и не ходатайствуй передо Мною, ибо Я не услышу тебя“ (Іерем. VII, 15—16).

— Очевидно, возможны случаи, когда молитва человѣка за другихъ является безплодной.

Утверждая, что въ Евангеліи заповѣдано: „молитесь за враги ваша“, священникъ поясняетъ: „а не сказано—за какихъ: личныхъ ли или общественныхъ“. Если къ слову врагъ присоединяется слово вашъ, то этимъ понятіе врага ограничивается отношеніемъ его къ моей личности, но какъ при такомъ сочитаніи словъ вывести отсюда понятіе врага общественнаго, да и что значить въ этомъ случаѣ врагъ общественный?—остается совершенно неяснымъ.

Во всякомъ случаѣ изъ словъ о молитвѣ за враговъ вовсе не видно, чтобы Спаситель заповѣдывалъ намъ молиться за людей умершихъ сознательными врагами не насъ лично, а Его Самого.

Когда первые христіане въ лицѣ мученика Стефана просили не поставить своимъ гонителямъ въ грѣхъ лишеніе ихъ жизни, то они имѣли въ виду этотъ фактъ, какъ зло наносимое имъ лично, а вовсе не отверженіе гонителями Самого Христа, которые уже умерли. Спаситель въ Своей молитвѣ за распинающихся ясно указалъ ея основаніе въ томъ, что они были исполнителями чужой воли и не сознавали, что дѣлали.

Переходя къ гр. Толстому, приходится сказать, что ни самъ священникъ и никто другой не считаетъ его своимъ личнымъ врагомъ, и центръ вопроса не въ этомъ. Всѣ соображенія о молитвѣ за личныхъ враговъ въ отношеніи цер-

ковнаго погребенія Толстого не могутъ рѣшать даннаго вопроса.

Не будемъ входить здѣсь въ обсужденіе религіозныхъ взглядовъ Толстого, но одно лишь ясно, всѣмъ, что гр. Толстой самъ объявилъ себя отвергающимъ Божество Христа и все его дѣло связанное съ основаніемъ Церкви и вѣренное этой Церкви. О гр. Толстомъ мы совершенно не можемъ сказать, чтобы онъ поступалъ такъ, не вѣдая, что творить.

Противъ этого свидѣлствуютъ его сочиненія и навѣрное возстали бы его близкіе люди и многочисленныя поклонники. О молитвѣ же за такихъ умершихъ людей Евангеліе не говоритъ.

Еще страннѣе, чтобы не сказать больше, настаиваніе священника о необходимости совершить церковное погребеніе Толстого.

Неужели священникъ не понимаетъ, что Церковь представляетъ изъ себя особаго рода организацію съ своимъ собственнымъ жизненнымъ міросозерцаніемъ, съ своими порядками и правилами и, что важнѣе всего, съ особымъ процессомъ духовной жизни, который, такъ сказать, переливается въ ея живые члены?

Въ этомъ процессѣ на первый планъ выступаетъ вѣра въ Христа, какъ Сына Божія, и въ необходимость благодатнаго воздѣйствія Его на поврежденную грѣхомъ человѣческую природу. Процессъ этотъ вызываетъ затѣмъ стремленіе распространять въ мірѣ не какое-либо свое, а подлинное историческое христіанство, ощущаемое человѣкомъ какъ основаніе его духовной жизни.

Церковная молитва является плодомъ этого процесса и въ свою очередь способствуетъ поддержанію его въ душѣ людей. Соотвѣтствующія молитвы естественно установлены и на такой важный моментъ въ жизни членовъ Церкви, какъ ихъ кончина. Весь церковный чинъ погребенія и соединенныя съ нимъ молитвы объ умершемъ рассчитаны исключительно на членовъ Церкви. Черезъ эти молитвы происходитъ наше церковное общеніе съ усопшимъ. Молитвы эти требуютъ присутствія въ душѣ человѣка хотя основныхъ представленій и чувствъ, связанныхъ съ міровоззрѣніемъ Церкви на нашу земную жизнь и на ея отношеніе къ жизни загробной. Онѣ полны какого-то таинственнаго

созерцанія самой глубины нашей жизни и назначенія чело-
вѣка и стремятся вызвать у насъ представленіе объ умер-
шемъ, какъ о членѣ того великаго общенія существующаго
въ мірѣ на протяженіи вѣковъ, главой котораго является
Самъ Спаситель, которое называется Церковью и которой
даны великія обѣтованія и милости. Только по отношенію
къ челоуѣку, съ которымъ мы можемъ связать такое пред-
ставленіе, погребальныя молитвы достигаютъ и другой цѣли.
Среди сложной и запутанной смѣны иногда очень тяжелыхъ
мыслей и чувствъ, какія обыкновенно намъ приходится
переживать въ виду смерти, погребальное богослуженіе мо-
жетъ вызывать въ душѣ настроеніе, основанное на вѣрѣ въ
Воскресеніе Христа и соответствующее словамъ апостола,
чтобы христіане не скорбѣли объ умершихъ какъ прочіе не
имѣющіе надежды (1 Тес. VI, 13—14).

Одинъ изъ историковъ церковнаго богослуженія по по-
воду пѣснопѣній, составленныхъ св. Іоанномъ Дамаскинскимъ
и вошедшихъ въ чинъ погребенія, утверждаетъ, что они
одушевлены сильнымъ чувствомъ и вызываютъ похвалы
даже отъ людей порицающихъ греческое пѣснопѣніе вообще.
Въ нихъ оплакивается краткость челоуѣческой жизни и
напрасныя суетныя заботы людей о временномъ и преходя-
щемъ, напоминаетъ о смерти, о невѣдомомъ пути куда от-
ходить почившій и среди умиленнѣйшихъ молитвъ ко Хри-
сту Спасителю происходятъ трогательныя обращенія къ со-
бравшимся на гробъ иногда отъ лица умершаго¹⁾. Конечно,
подъ формой этихъ обращеній въ уста и сердце почившаго
вкладываются мысли и чувства, которыя онъ могъ выска-
зать въ качествѣ члена Церкви имъ—своимъ сочленамъ,
объединеннымъ прежде всего вѣрою во Христа Сына Божія,
пришедшаго спасти людей.

Но обращенія отъ лица умершаго члена Церкви въ по-
гребальныхъ молитвахъ происходятъ не только къ остав-
шимся живымъ ея сочленамъ, но и къ Самому Христу Спа-
сителю и къ предстательству передъ Нимъ Богоматери.
Умершій какъ бы самъ совершаетъ молитву, постоянно вспо-
миная о значеніи вѣры во Христа Сына Божія, ради насъ

¹⁾ Флоринскій свящ. Исторія богослужебныхъ пѣсней Православной
Восточной Церкви. Москва 1860 г. стр. 162.

распятаго и воскресшаго, искупившаго родъ человѣческій отъ грѣха и вѣчной смерти, прибѣгая къ божественному милосердію Христа, прося помощи и молитвъ у Богоматери, ссылаясь на обѣтованія Спасителя, данныя Церкви и т. п. Подобно этому и молитвы объ умершемъ отъ лица живыхъ проникнуты тѣмъ же содержаніемъ, при чемъ въ нихъ постоянно указывается, что умершій, хотя и не совсѣмъ чистъ отъ грѣха, но возложилъ свое упованіе на Бога и вѣровалъ въ Божественное милосердіе и великое значеніе крестной жертвы Спасителя.

Неужели же въ уста умершаго Толстого можно вложить, наприм., слова заупокойной службы, свидѣтельствующія, что Толстой признавалъ себя погибшей овцой, которую можетъ спасти вѣра въ Христа какъ Бога, что онъ послѣдовалъ Христу вѣроу? Неужели отъ лица Толстого можно восклицать: „Христось—моя сила, Богъ и Господь“...

Неужели относительно умершаго Толстого можно пѣть стихирю: „О крестѣ Твоемъ веселяся, о крестѣ Твоемъ надѣясь рабъ Твой къ Тебѣ преставися“.

Неужели относительно Толстого можно обращаться съ молитвою къ Божіей Матери о томъ, чтобы Она умилила Бога за душу въ православной вѣрѣ отшедшую, указывая, что умершій до кончины исповѣдывалъ въ Спасителѣ истиннаго Бога и совершеннаго человѣка, а въ Богоматери Матерь Божію и Дѣву Чистую.

Словомъ, если вмѣсто понятія православнаго христіанина подставить во всѣхъ погребальныхъ молитвахъ личность Толстого, какой мы ее знаемъ, то у каждаго сознательно молящагося человѣка едва-ли повернется языкъ читать и пѣть эти молитвы.

Молитва же должна быть дѣломъ сознательнымъ. „Стану молиться духомъ, стану молиться и умомъ, утверждаетъ апостоль Павелъ, буду пѣть духомъ, буду пѣть и умомъ“ (1 Коринф. XIV, 15). Несознательная молитва едва-ли можетъ имѣть значеніе. Апостоль убѣждаетъ христіанъ не быть дѣтьми умомъ (1 Коринф. XIV, 20), а тотъ, кто составилъ много молитвъ къ Богу въ видѣ извѣстныхъ всѣмъ намъ псалмовъ приглашаетъ пѣть Богу разумно (Псал. 46). Этимъ, какъ поясняетъ, наприм., Феодоритъ, мы научаемся не только произносить пѣснь языкомъ, но и возбуждать мысль

къ разумѣнію произносимаго ¹⁾. „Мы должны, справедливо говорить Оригенъ, знать, о чемъ молимся, разумно относиться и къ роду и къ образу молитвы“ ²⁾.

Примѣненіе же церковнаго чина погребенія ко всякому челоуѣку, независимо отъ его принадлежности къ Церкви, обнаружало бы, что самому содержанію въ немъ молитвъ не придается значенія и Богу можно пѣть что угодно, не справляясь со смысломъ молитвъ.

Весь обрядъ погребенія соединенъ затѣмъ съ разными символическими дѣйствіями, выражающими воззрѣніе Церкви на земную и загробную жизнь. Напримѣръ, умершій полагается во гробъ лицомъ устремленнымъ къ небу и руками, сложенными крестообразно, во свидѣтельство его вѣры въ Распятаго Христа. Въ знакъ этой же вѣры возлагается на руки умершаго крестъ или икона. Тѣло умершаго вмѣстѣ съ гробомъ накрывается покровомъ, въ знакъ того, что умершій освященъ таинствами и находится подъ покровомъ Христа. Перенесеніе тѣла умершаго для отпѣванія въ храмъ или для погребенія на кладбищѣ, сопровождается пѣніемъ „Святый Боже“ во свидѣтельство, что умершій и въ земной жизни служилъ Пресвятой Троицѣ и теперь переселяется въ жизнь вѣчную для славословія Тріединаго Бога ³⁾. Словомъ все погребеніе разсчитано на то, что его никогда не придется примѣнять къ такимъ людямъ, какимъ показала себя Толстой.

При такихъ условіяхъ довольно страннымъ представляется ходатайство нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, о которомъ сообщаетъ Архіепископъ Волынской Антоній, о разрѣшеніи хоронить Толстого со священникомъ при пѣніи „Святый Боже“, какъ это дѣлается въ отношеніи иновѣрцевъ, не имѣющихъ вблизи своего духовенства ⁴⁾. Сколько было такихъ духов-

¹⁾ Евфимій Зигабевъ. Толковая Псалтирь. Перев. съ греч. Кіевъ. 1883 г.

²⁾ О молитвѣ. Сочиненіе Оригена. Перев. Корсунскаго, § 2, стр. 7 биб. 1898 г.

³⁾ Наука о богослуженіи Православной Церкви. П. Лебедева. Ч. 2. Москва. 1881 г. Новая скрижаль Архіепископа Веніаміна. Ч. IV. СПб. 1857 г.

⁴⁾ Архіеп. Автовій. Въ чемъ продолжало отражаться вліяніе православія на послѣднихъ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого. Харьковъ. 1911 г., стр. 52.

ныхъ лицъ. неизвѣстно. Полагаемъ, что очень мало, но знаемъ, какъ и многіе другіе, что во главѣ этихъ лицъ былъ самъ архіепископъ Антоній.

Просители, очевидно, имѣли въ виду Указъ Св. Синода отъ 24 августа 1797 года, которымъ было дозволено полковымъ священникамъ провожать до кладбищъ въ ризахъ и опускать въ землю при пѣніи „Святый Боже“ тѣла умершихъ военныхъ католическаго, реформатскаго и лютеранскаго исповѣданій, если не окажется ихъ духовныхъ лицъ. Основаніемъ для такого разрѣшенія Св. Синодъ указалъ, что люди этихъ исповѣданій „ученіе евангельское содержатъ и надежду полагаютъ во Христѣ Спасителѣ всего міра и притомъ опредѣлили себя на защищеніе правовѣрнаго нашего отечества“¹⁾.

Это постановленіе Св. Синода съ тѣми или иными дополненіями повторялось затѣмъ въ его опредѣленіяхъ, 20 февраля 1800 г., 3 августа 1817 г., 10 іюня 1818 г., въ опредѣленіи 10—15 марта 1847 г. съ дополненіями, предложенными Митрополитомъ Филаретомъ и наконецъ въ опредѣленіи 28 января 1904 года. Но вѣдь при всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ Св. Синода совершенно не имѣлись въ виду такіе люди, какъ Толстой, что вполне ясно, наприм., изъ мотивовъ, приводимыхъ Синодомъ въ его основномъ указѣ 1797 г. Поэтому всѣ эти опредѣленія Синода не могутъ имѣть силу въ отношеніи Толстого, который не принадлежалъ ни къ какимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, отвергалъ Божество Христа, Троичность лицъ въ Богѣ и т. д. и училъ этому другихъ, а духовныхъ лицъ всякихъ исповѣданій считалъ не болѣе какъ обманщиками.

Во всякомъ случаѣ странное ходатайство нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ Св. Синодъ естественно оставилъ безъ удовлетворенія.

Церковь, призванная къ распространенію въ мірѣ новой жизни, должна отличать себя и своихъ членовъ отъ не признающаго ее міра. Церковныя молитвы объ ея членахъ уже въ силу этого не могутъ совпадать по своему содержанію съ молитвами о другихъ людяхъ. Употребленіе же ихъ одинаково относительно тѣхъ и другихъ между прочимъ пока-

¹⁾ 1-е Полное Собраніе Законовъ, т. № 18110.

зывало бы, что представители Церкви потеряли сознание различія ея отъ міра.

Откуда затѣмъ усматриваетъ священникъ возможность совершать церковное отпѣваніе людей, не принадлежащихъ къ Церкви, въ какое угодно время послѣ ихъ кончины и фактическаго погребенія? Вѣдь если стать на подобную точку зрѣнія и не стѣсняться ни временемъ смерти чело-вѣка, ни отсутствіемъ у него связи съ Церковью, то почему бы не совершить теперь церковнаго погребенія, напримѣръ, надъ Аріемъ, Евтихіемъ и даже какимъ-либо знакомымъ намъ магометаниномъ. Но на это уже едва-ли рѣшился бы и священникъ, отпѣвший неправославнаго Толстого спустя 2 года послѣ его смерти?

Конечно, чинъ церковнаго погребенія есть молитва, а не паспортъ на проѣздъ за границу міра сего, какъ къ чему-то напоминаетъ авторъ письма въ расчетѣ кого-то упрекнуть. Но вѣдь чинъ погребенія есть сознательная молитва опредѣленнаго содержанія и, безъ сомнѣнія, она не можетъ быть примѣняема ко всѣмъ безъ различія. Отношеніе къ чину погребенія какъ къ своего рода паспорту на тотъ свѣтъ, который выдается во всякое время и всѣмъ, независимо отъ ихъ религіозныхъ убѣжденій, скорѣе обнаруживается, можетъ быть и бессознательно, именно у тѣхъ, которые находятъ возможнымъ употреблять чинъ погребенія для умершихъ, не обращая вниманія, принадлежали-ли они къ Церкви или нѣтъ.

Наконецъ, Церковь, представляя изъ себя извѣстную внѣшнюю организацію, требуетъ, чтобы члены ея даже въ своей частной жизни соблюдали извѣстныя правила, напримѣръ, посты, домашнія молитвы и т. п. Подобныя требованія со стороны Церкви тѣмъ необходимѣе относительно общественной церковной жизни и тѣхъ дѣйствій, которыя совершаются отъ имени Церкви, наприм., церковнаго богослуженія. Допущеніе поступать въ этомъ по произволу и соображеніямъ каждаго, хотя бы онъ былъ священникъ или даже епископъ, могло бы повести къ безпорядкамъ въ церковномъ обществѣ.

Вѣдь не только Церковь, но и другія общества не могутъ же допускать дифференцірованія себя на отдѣльныхъ людей съ разными взглядами и въ своихъ дѣйствіяхъ не связан-

ныхъ никакими общеобязательными нормами и міросозернаніемъ.

Священникъ въ своей пастырской дѣятельности связанъ съ Церковью и сохраненіе этой связи есть необходимое условіе для реализаціи имъ своего назначенія. Нормы, установленныя Церковью по вопросамъ пастырскаго служенія, представляютъ выраженіе и собственной воли священника, поскольку онъ желаетъ быть служителемъ Церкви. Онъ обязанъ подчиняться имъ не изъ-за страха, какъ рабъ трепещущій передъ Церковью, а въ силу того, что коллективныя дѣйствія Церкви, регулируемыя тѣми или иными ея нормами, являются первымъ шагомъ къ осуществленію пастырскихъ цѣлей самаго священника. Пренебреженіе же этими нормами во многихъ случаяхъ трудно бываетъ разсматривать иначе какъ своего рода самоубійство въ качествѣ пастыря.

Несоблюденіе церковной дисциплины помимо всего другого вызываетъ весьма вредное для дѣятельности Церкви ослабленіе обнаруженія ея въ качествѣ одного коллективнаго цѣлаго, существующаго на протяженіи вѣковъ. Если одинъ священникъ или епископъ въ своихъ важныхъ дѣйствіяхъ будетъ поступать такъ, а другой иначе, да еще противоположно первому, то естественно они будутъ подрывать этимъ въ окружающей средѣ понятіе церковнаго дѣйствія, совершаемаго отъ имени всей Церкви и всегда заключающаго въ себѣ начало соборности, а не личнаго усмотрѣнія.

Для предупрежденія этого въ Церкви возникли разныя правила. Правила эти между прочимъ стремятся оградить церковное общество отъ возможнаго произвола и злоупотребленій отдѣльныхъ лицъ, на какой бы ступени іерархіи эти лица ни находились. Они способствуютъ обезпеченію того важнаго условія іерархическаго служенія, чтобы церковныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ не были самочинными, но несли на себѣ печать соборности, исходили бы отъ имени всей Церкви. Часть этихъ правилъ устанавливаетъ права и обязанности священниковъ, опредѣляетъ ихъ положеніе въ Церкви, отношенія къ другимъ членамъ іерархіи и т. п. Какъ епископамъ, такъ естественно и священникамъ, церковныя правила воспрещаютъ священнослуженіе и проповѣдь въ чужихъ епархіяхъ безъ разрѣшенія мѣстнаго

епископа (5 правило IV Вселенскаго Собора, 20 правило Трульскаго, 105 Карфаген. и др.).

Въ своихъ отношеніяхъ къ Толстому священникъ долженъ былъ считаться съ этимъ правиломъ, а также и съ тѣмъ, что высшая духовная власть въ Россіи объявила Толстого отпавшимъ отъ Православной Церкви, а это естественно вызывало и лишеніе Толстого церковнаго погребенія въ случаѣ его смерти безъ обращенія къ Церкви.

При такихъ условіяхъ, какимъ образомъ священникъ, понимающій свои права и обязанности, свое положеніе въ Церкви, могъ рѣшиться самовольно отмѣнить то, что постановлено епископомъ, да еще не однимъ, а цѣлымъ ихъ соборіемъ въ Св. Синодѣ? Неужели священникъ забылъ напоминаніе такого великаго представителя христіанства, пролившаго за него свою кровь, какъ св. Кипріанъ Карфагенскій, о томъ, что первенство въ Церкви принадлежитъ епископамъ ¹⁾. Неужели священникъ отрицаетъ предписаніе, наирим., 39 Апостольскаго правила, что пресвитеры и діаконы не должны ничего совершать безъ воли епископа? Въ разъясненіе этого правила, принятаго въ Славянскую Кормчую, указано, что пресвитеру и діакону безъ воли своего епископа не позволяется ни отлучать людей ни увеличивать или уменьшать епитиміи, или дѣлать что-либо другое подобное. Во всѣхъ вопросахъ, возбуждающихъ недоумѣніе, къ которымъ по меньшей мѣрѣ долженъ быть отнесенъ вопросъ о молитвахъ за умершаго Толстого, священникъ по церковнымъ правиламъ долженъ обращаться къ епископу. Объ этомъ, какъ извѣстно, напоминаетъ священнику даже въ такъ называемой, Ставленной грамотѣ, вручаемой ему епископомъ по его посвященіи. По этой грамотѣ священникъ обязывается „неудоборазсудныя вины епископу предлагать“, а не поступать въ этихъ случаяхъ только по своему желанію.

Къ удивленію, священникъ, отпѣвавшій Толстого, повидимому, съ какимъ-то сомнѣніемъ относится къ факту признанія Толстого отпавшимъ отъ Церкви. По крайней мѣрѣ, упоминая объ отверженіи Толстого, онъ въ своемъ письмѣ

¹⁾ О единствѣ Церкви. Творенія св. Кипріана Карфагенскаго ч. II, трактаты. Кіевъ, 1891 г.

въ газетѣ ставитъ слово „отверженіе“ въ ковычкахъ. Что же смущаетъ здѣсь автора письма?

Надѣмся, что онъ понимаетъ необходимость отлученія отъ Церкви и его смыслъ. Никакое общество не можетъ считать своими членами людей къ нему не принадлежащихъ или тѣмъ болѣе отвергающихъ его задачи и порядки жизни. Въ интересахъ своего самосохраненія общество вынуждено исключать такихъ лицъ изъ своей среды и объявлять, что они не имѣютъ съ нимъ ничего общаго.

Церковь, которой вѣрено храненіе и распространеніе въ мірѣ христіанства, обязана зорко смотрѣть, чтобы христіанская истина, несмотря на всѣ усилія враждебнаго ей міра, продолжала стоять передъ сознаніемъ людей такъ, какъ она была намъ открыта. А подобная задача Церкви естественно вызываетъ для нея необходимость постоянно отличать себя отъ всякаго рода взглядовъ и ученій, которыя часто лишь прикрываются христіанскими словами и формами.

Особенно это необходимо, когда, какъ это бываетъ у насъ, человекъ значителен по паспорту православнымъ, т. е. принадлежащимъ къ членамъ Церкви, а въ дѣйствительности чуждъ ей по духу и распространяетъ въ окружающихъ вражду къ Церкви и къ хранимой ею христіанской истинѣ. Въ этомъ случаѣ органы церковнаго управленія не исполнили бы своей важной обязанности объявлять во всеобщее свѣдѣніе о томъ, что такіе люди по своимъ убѣжденіямъ и дѣятельности не имѣютъ ничего общаго съ Церковью и хранимой ею истиной и должны считаться исключенными изъ церковнаго общества.

Кто знакомъ съ исторіей разныхъ религіозныхъ ученій первыхъ вѣковъ христіанства, для того ясно, какъ необходимо было для Церкви открыто отвергнуть, наприм., ученія Арія, Евтихія, Несторія, Македонія и др., и исключить этихъ лицъ изъ церковнаго общества, тѣмъ болѣе, что, прикрываясь своимъ духовнымъ саномъ, Арій саномъ пресвитера, Евтихій архимандрита, а Несторій и Македоній саномъ епископа, они могли вносить большое разложеніе въ церковную жизнь.

Вотъ, наприм., приговоръ Третьяго Вселенскаго Ефесскаго Собора по дѣлу Несторія:

„Соборъ изрекъ: Такъ какъ печестивѣншіи Несторій, сверхъ

прочаго, не захотѣль повиноваться нашему приглашенію и не принялъ посланныхъ отъ насъ святѣйшихъ и благочестивѣйшихъ епископовъ, то мы вынужденными нашлись изслѣдовать нечестивое его ученіе. Открывши же, частью изъ его писемъ, частью изъ другихъ сочиненій, частью изъ бесѣдъ, которыя онъ недавно имѣлъ въ сей митрополіи (Ефесѣ) и которыя подтверждены свидѣтелями, что онъ и мыслить, и проповѣдуетъ нечестиво, мы вынуждены были, на основаніи каноновъ и посланій святѣйшаго отца и сослужителя нашего Целестина, епископа римскаго, произнести противъ него, хотя не безъ горькихъ слезъ, слѣдующее горестное опредѣленіе:

„Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на Котораго онъ изрыгалъ хулы, устами сего святѣйшаго собора опредѣляетъ лишить его епископскаго сана и отлучить отъ общенія церковнаго“. ¹⁾

Право Церкви поступать такимъ образомъ основываютъ на словахъ Спасителя: „если и Церковь не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ какъ язычникъ и мытаръ“ (Матѣ. XVIII, 17) и на заявленіи апостола Павла, что еслибы даже апостолы или Ангель съ неба стали благовѣствовать людямъ не то, что они благовѣствовали, да будетъ анафема (Галат. I, 8). Это указаніе апостола, по утвержденію, наприм., Епископа Теофана при разъясненіи имъ посланія къ Галатамъ, служило и служить для Церкви правиломъ и руководствомъ, какъ поступать съ благовѣствующими иначе или лучше съ зловѣщающими и съ тѣми, которые сами охотно имъ послѣдуютъ. Смыслъ анафемы тотъ, что подвергшійся ей извергается изъ Церкви и, становясь внѣ Церкви, не только лишается ея благодати, но и подвергается всѣмъ послѣдствіямъ безблагодатія, которое внѣ Церкви ²⁾.

Помимо всего другого открытое объявленіе человѣка отпавшимъ отъ Церкви можетъ имѣть большое значеніе для него самого. Оно доставляетъ ему поводъ болѣе сознательно самоопредѣлить себя въ отношеніи къ Церкви. Человѣкъ, какъ показываетъ опытъ, часто дѣлается болѣе способнымъ почувствовать опасность своего духовнаго состоянія. Онъ

¹⁾ Дьянія Вселенскихъ Соборовъ т. I. Казань, 1888 г. стр. 236.

²⁾ Толкованіе посланія св. ап. Павла къ Галатамъ. Москва, 1880 г., стр. 64.

начинаеть тщательнѣе обдумывать направленіе своей жизни и перѣдко во время раскаявается въ своихъ заблужденіяхъ, снова присоединяясь къ церковному обществу.

Исключеніе изъ Церкви человѣка, отвергающаго ея основанія, нужно бываетъ и въ духовныхъ интересахъ другихъ людей. Фактъ этотъ способствуетъ укрѣпленію въ сознаніи людей значенія церковныхъ нормъ и предупрежденію ихъ нарушенія. На это обращаютъ вниманіе многіе великіе представители Церкви. „Обличеніе нечестія, по разъясненію, наприм., св. Афанасія Великаго, служить и желающимъ даетъ поводъ къ благочестію здоровой о Христвѣ вѣрѣ“... (Осужденіе нечестія есть достаточное уже ко благочестію вѣдѣніе ¹⁾).

Или можетъ быть священникъ сомнѣвается лишь въ правильности отлученія Толстого св. Синодомъ?

Конечно, нечего скрывать, что у насъ очень поколебленъ авторитетъ св. Синода, чему, къ удивленію, немало способствуютъ тѣ русскіе епископы, которые, засѣдая сами въ св. Синодѣ и принимая званіе его членовъ, всюду заявляютъ о неканоничности Синода. Не разъясняя этого понятія народу, они уничтожаютъ въ сознаніи русскихъ людей послѣдніе остатки уваженія къ высшему церковному управленію. Многіе по простотѣ душевной или по желанію опорочить Русскую Церковь—въ слово неканоничный, слышимое по адресу Синода изъ устъ самихъ епископовъ, вкладываютъ понятіе чего-то антицерковнаго, чуть-ли даже не разорвавшаго связь съ вселенскимъ христіанствомъ, а къ дѣйствіямъ Синода, естественно, начинаютъ относиться съ недовѣріемъ, не придавая имъ должнаго значенія. Ужъ не принадлежитъ ли къ числу такихъ людей и священникъ отпѣвшій Толстого? Если такъ, то это, при отношеніи къ Синоду нѣкоторыхъ епископовъ, конечно, можетъ служить снисхожденіемъ къ его поступку.

Нечего затѣмъ скрывать, что наши бюрократическіе порядки церковнаго управленія, соединенные съ неумѣренной его централизаціей, вытѣснили многія древнія формы, позволявшія церковной жизни развертываться въ болѣе ши-

¹⁾ Посланіе св. Афанасія Великаго къ инокамъ. Творенія ч. 2 изданіе 1902 г., стр. 104.

рокомъ масштабѣ и обнаруживать болѣе самостоятельности на мѣстахъ. А все это способствуетъ разрыву духовно-нравственной связи церковнаго управленія съ народомъ и вызываетъ къ его дѣйствіямъ по меньшей мѣрѣ лишь чисто внѣшнее отношеніе. Въмѣсто того, чтобы выдвигать теперь на первый планъ неясное для народа понятіе неканоничности русскаго Синода, слѣдовало бы лучше разъяснить, что недостатки церковнаго управленія не помрачили основную жизнь Русской Церкви и что она въ лицѣ того же Св. Синода всегда старалась тщательно хранить полученную ею христіанскую истину и не порывать свою связь съ Церковью Вселенской.

Однимъ изъ большихъ недостатковъ нашего церковнаго управленія является отсутствіе открытаго суда, замѣненнаго бумажнымъ канцелярскимъ производствомъ въ отсутствіи самаго обвиняемаго.

Судъ надъ Толстымъ не составлялъ исключенія, и это, конечно, подало поводъ къ разнымъ неблагоприятнымъ для Синода толкамъ и не способствовало авторитету постановленія Св. Синода по дѣлу о Толстомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а по существу приговоръ Синода о Толстомъ является вполне правильнымъ и согласнымъ со вселенскимъ церковнымъ пониманіемъ. Всѣ лица, которые подобно Арію или Толстому отвергаютъ Божество Христа и Троичность Лицъ Божества, уже давно отлучены Вселенской Церковью на ея Вселенскихъ Соборахъ.

Изложивъ исповѣданіе Божества Христа, первый Вселенскій Соборъ перечисляетъ людей, въ разныхъ формахъ отрицающихъ Божество Христа, которыхъ католическая и апостольская Церковь предастъ анафемѣ¹⁾. Далѣе, еще V Вселенскій Соборъ постановилъ, что кто называетъ Пресвятую Дѣву— „человѣкородницею или христородницею, какъ будто бы Христосъ не былъ Богомъ и кто не исповѣдуетъ, что она есть Богородица дѣйствительно и по истинѣ, потому что Богъ Слово, рожденный отъ Отца прежде вѣковъ, въ послѣдніе дни воплотился отъ нея, и что такъ именно и святой Халкидонскій соборъ благочестиво исповѣдалъ ее Богородицею,—тотъ да будетъ анафема“.

¹⁾ Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ, т. I. Казань 1887 г. Сборникъ—изложеніе вѣры. стр. 65—66.

Между другими постановленіями относительно разныхъ еретическихъ убѣжденій V Вселенскій Соборъ сдѣлалъ и такое: „Если кто не исповѣдуетъ, что распятый плотію Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ и Господь славы и одинъ изъ Святой Троицы“, тотъ да будетъ анафема ¹⁾).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ Вселенскіе соборы имѣли, конечно, въ виду и то христіанское сознаніе, которое еще ранѣе ясно выражено словами св. ап. Іоанна Богослова:

„Духа Божія (и духа заблужденія) узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, *пришедшаго во плоти*, не есть отъ Бога но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и теперь есть уже въ мірѣ (I Посланіе Іоанна IV, 2—3).

Такимъ образомъ то, чему поучалъ Толстой, осуждено Церковью уже давно и притомъ такими ея органами, какъ вселенскіе соборы. Уже въ силу этого Св. Синодъ обязанъ былъ признать Толстого отпавшимъ отъ Церкви. Иначе Русскій Синодъ могъ подвергнуться тяжелому обвиненію въ томъ, что онъ не хранитъ въ Россіи чистоту основаній христіанской вѣры. Св. Синодъ, какъ видимъ, явно дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ отъ имени Вселенской Церкви. Признаніе же самимъ Толстымъ въ его отвѣтъ Синоду справедливости возводимыхъ на него обвиненій въ отрицаніи основаній христіанской вѣры, казалось бы, для всѣхъ должно было уже вполне ясно подтвердить правильность постановленія Синода о Толстомъ, хотябы съ формальной стороны этому постановленію и слѣдовало состояться при иномъ порядкѣ церковнаго суда.

Вообще по отношенію къ гр. Толстому представители Православной Церкви обязаны были дѣйствовать твердо и рѣшительно и по примѣру св. Григорія Богослова „не заключать мира во вредъ ученію истины, уступая что-нибудь ради славы именоваться снисходительными“ ²⁾).

Съ Толстымъ и его ученіемъ связанъ большой соблазнъ.

¹⁾ Дьявія Вселенскихъ Соборовъ т. V. Казань, 1887 г. Соборъ Вселенскій V. Собраніе VIII. стр. 189 и 190.

²⁾ Творенія св. Григорія Богослова. ч. IV, Москва. Слово 42. стр. 28.

Въ міръ давно уже замѣчается все болѣе и болѣе усиливающаяся тенденція къ появленію мнѣній и ученій, которыя, пользуясь христіанскими формами, словами и заповѣдями, влагають въ нихъ однако иной, чуждый христіанству духъ. Они, какъ выразился еще св. Кипріанъ Карфагенскій, тонко подъ покровомъ истины предлагая ложь, обольщаютъ людей простодушныхъ. Въ общемъ они стремятся разорвать связь нравственной жизни человѣчества съ Божественной Личностью Христа Спасителя. Къ числу распространителей такихъ мнѣній и ученій нужно отнести и Толстого. Для многихъ слабыхъ духомъ и колеблющихся подобныя ученія представляютъ тонкую сѣть, въ которой современный человѣкъ легко запутывается, чему немало способствуетъ и свойственный ему религіозный индифферентизмъ и все болѣе и болѣе обнаруживающееся въ сознаніи человѣка затемненіе церковной идеи.

Уже одно соотвѣтствіе основаній ученія Толстого съ указанными тенденціями не можетъ не способствовать его вліянію. Но этому немало помогаетъ еще и великое литературное-художественное значеніе Толстого и его міровая извѣстность.

Если передъ гениемъ Толстого преклоняется громадное большинство, то развѣ я, человѣкъ неизвѣстный, могу считать его заблуждающимся? Кто Толстой и кто я въ сравненіи съ его міровой извѣстностью? Если весь міръ, какъ кажется нѣкоторымъ, прославляетъ Толстого, то развѣ онъ могъ такъ глубоко ошибаться? Вотъ мысли, которыя въ той или иной формѣ приходятъ теперь въ голову многимъ, иногда безсознательно испытывающимъ на себѣ вліяніе тиранинн большинства, склоннаго покушаться даже на внутреннюю свободу человѣческой личности.

Большинство голосовъ,—вотъ основаніе, которое заставляетъ насъ терять свое значеніе не только въ вопросахъ политики. Въ качествѣ какого то мѣрила истины оно имѣетъ тенденцію распространяться и на другія области жизни, обращая людей въ числа и приучая ихъ смотрѣть на себя, какъ на единицы одинаковой величины. Подобно увеличенію числа отъ сложенія единицъ растетъ въ глазахъ многихъ и значеніе разныхъ ученій по мѣрѣ признанія ихъ все большимъ и большимъ количествомъ людей. Ободреніемъ боль-

шинства нерѣдко оправдывается и свое невѣжество и свои низменныя стремленія.

Христіанство, возвысившее достоинство человѣческой личности и открывшее ей путь къ высшей свободѣ духа, естественно отрицаетъ подобное значеніе въ человѣчествѣ числа и связаннаго съ нимъ понятія большинства. Склоннымъ уступать во всемъ давленію большинства слѣдуетъ помнить слова Спасителя: „Не бойся малое стадо, ибо Отець вашъ благоволилъ дать царство“ (Лук. XII, 32).

Или вотъ другое указаніе Спасителя, обыкновенно забываемое людьми зараженными честолюбіемъ и тщеставіемъ, которые любятъ добиваться похвалъ большинства и, по выраженію Григорія Богослова, „умѣютъ похищать благосклонность ласкательствами“. Горе вамъ,—сказалъ Христосъ,—когда всѣ люди будутъ говорить о васъ хорошо, ибо такъ поступали съ лжепророками отцы ихъ“ (Лук. VI, 25).

Въ предупрежденіе рабства передъ большинствомъ ап. Павелъ обращаетъ вниманіе, что „не во множайшихъ благоволи Богъ“ (I Коринф. X, 5).

А св. Григорій Богословъ поясняетъ, что трое, собранные во имя Господа, передъ Богомъ составляютъ большее число чѣмъ многіе отрицающіеся Божествомъ. Неужели,—спрашиваетъ Григорій Богословъ,—Хананеевъ, сколько ихъ ни есть, предпочтешь одному Аврааму или содомлянъ одному Лоту?... Триста ли человѣкъ, которые у Гедеона мужественно пили воду или тысячи обратившихся въ бѣгство ¹⁾).

Вспомнимъ, наконецъ, сколько приходилось и приходится бороться самому христіанству съ большинствомъ человѣческаго рода. Какими потоками христіанской крови былъ залитъ и какимъ количествомъ христіанскихъ костей былъ усѣянъ путь христіанства въ исторіи человѣчества! Еслибы привароваться къ стремленіямъ большинства и спрашивать его, то христіанство навѣрно не появилось бы въ мірѣ и человѣчество можетъ быть давно уже погибло бы отъ нравственнаго саморазложенія.

Чтобы охранить слабыя души отъ давленія большинства, склоннаго вообще къ враждѣ противъ христіанства, предста-

¹⁾ Творенія. Ч. IV. Слово 42, стр. 24.

вители Церкви должны всегда высоко держать знамя истины, во время снимать христіанскую маску съ разныхъ прикрывающихся его именемъ ученій, кто-бы ни были ихъ распространители и съ какимъ бы раболѣпствомъ ни относился къ нимъ міръ,—и открыто передъ всеѣми свидѣтельствовать о несомвѣстности ихъ съ тѣмъ, что Церковь содержитъ съ самаго начала.

Священнику Православной Церкви, очевидно, уже никакъ не слѣдовало слово „отверженіе“ по отношенію къ Толстому ставить въ ковычкахъ и тѣмъ вызывать въ читателяхъ сомнѣніе въ значеніи опредѣленія Св. Синода о Толстомъ. Если Синодъ, какъ мы видимъ, по отношенію къ Толстому дѣйствовалъ отъ имени Вселенской Церкви, то какимъ образомъ священникъ, призванный въ силу своего рукоположенія, дѣйствовать при совершеніи богослуженія, по выраженію А. С. Хомякова, отъ всей Церкви, могъ рѣшиться на церковное отпѣваніе Толстого? Приходится думать, ужъ не пропала-ли въ немъ основная черта пастырскаго сознанія поступать во ввѣренномъ ему служеніи отъ имени всей Церкви, а для этого получать на свои дѣйствія согласіе своего епископа и провѣрять ихъ общецерковнымъ сознаніемъ.

Во всякомъ случаѣ Церковь не можетъ противорѣчить сама себѣ, да и священникомъ, очевидно, не соблюдены эти условія. А все это не можетъ сдѣлать отпѣваніе Толстого дѣйствіемъ церковнымъ и по существу и по формѣ.

Священникъ склоненъ, кажется, очень упрощать свое служеніе и разсматривать его какъ нѣчто вполне зависящее только отъ него самого. Онъ полагаетъ, повидимому, что для него достаточно одного факта полученія пресвитерскаго сана и въ силу этого онъ уже можетъ по собственному усмотрѣнію совершать церковное богослуженіе, гдѣ и надъ кѣмъ угодно, забывая о необходимости дѣйствовать въ этомъ по уполномочію Церкви.

Послѣ всего сказаннаго, естественно, выступаетъ вопросъ, не относится-ли молитва священника на могилѣ Толстого въ формѣ церковнаго отпѣванія къ такимъ, о которыхъ въ Св. Писаніи сказано: „И молитва его да будетъ въ грѣхъ“ (Псал. 108).

Поэтому напрасно, если вѣрить сообщенію священника, вдова покойнаго Толстого, графиня Софья Андреевна, слу-

женіе его на могилѣ мужа считаетъ для себя духовнымъ утѣшеніемъ. Конечно, люди по разнымъ причинамъ могутъ утѣшаться разнообразными способами. Но если графиня, какъ утверждаетъ священникъ, глубоко вѣрующая христіанка, то именно ей то и странно утѣшаться по меньшей мѣрѣ наивнымъ поступкомъ священника.

Если-бы кто-нибудь въ виду вѣры жены, наприм., похитилъ Св. Дары и пожелалъ бы приобщить ими ея невѣрующаго мужа, то вѣдь глубоко вѣрующая христіанка не только не получила бы утѣшеніе отъ такого дѣйствія, а скорѣе не допустила бы до него. Нѣчто напоминающее подобное безразсудное дѣйствіе чувствуется и въ поступкѣ священника, вопреки церковному сознанію и постановленію, отпѣващаго невѣровавшаго во Христа Толстого.

Никто не спорить, что Церковь, основанная для спасенія міра, уже въ силу этого находитъ нужнымъ молиться за всѣхъ людей. Еще ап. Павелъ заповѣдалъ творить молитвы за всѣхъ людей (1 Тим II, 1).

Св. Іоаннъ Златоустъ по поводу этихъ словъ апостола утверждаетъ, что намъ должно приносить молитвы за ближнихъ не только за вѣрныхъ, но и за невѣрныхъ ¹⁾. При совершеніи таинства св. Евхаристіи, по убѣжденію св. Іоанна Златоуста, должны быть приносимы молитвы и за язычниковъ.

Путь спасенія для міра указанъ христіанствомъ черезъ Церковь и потому, естественно, молитвы за людей къ ней не принадлежащихъ выражаются въ ходатайствѣ объ ихъ обращеніи къ Церкви.

„Не молимся ли мы, замѣчаетъ св. І. Златоустъ, чтобы всѣ обратились ко спасенію“? Такая цѣль молитвы за невѣрныхъ подтверждается и свидѣтельствами представителей Церкви еще болѣе раннихъ вѣковъ. Наприм., св. Иринея Ліонскій говоритъ, что христіане молятся за еретиковъ, чтобы они не остались въ той ямѣ, которую сами выкопали, чтобы они оставили тьму и законно родились, обратившись къ Церкви Божіей и чтобы Христосъ образовался

¹⁾ Бесѣды на 1 посланіе къ Тимофею Бесѣда VI. Полное собраніе Твореній Изданіе Спб. Дух. Академіи, томъ XI кв. 2. Спб. 1905 г.

Бесѣды на 1 посланіе къ Фессалоникійцамъ. Бесѣда 1 и на 1 посланіе къ Тимофею Бесѣда VI томъ XI кв. 2. стр. 659.

въ нихъ¹⁾. А вотъ свидѣтельство объ этомъ св. Іустина философа, относящееся къ 11 вѣку: „Мы и за васъ (іудеевъ) и за всѣхъ другихъ гонителей нашихъ молимъ, чтобы вы раскаялись вмѣстѣ съ ними и не хулили Христа... мы молимъ, чтобы вы увѣровали въ Него и спаслись въ будущее славное прішествіе Его и не были осуждены Имъ на огонь“²⁾.

Въ древнихъ литургіяхъ, въ этомъ сосредоточіи христіанскаго общественнаго богослуженія всѣхъ временъ, постоянно встрѣчаются подобныя молитвы за людей не принадлежащихъ къ Церкви. Наприм., въ литургіи Апостольскихъ постановленій діаконовъ между прочимъ долженъ возглашать:

„О врагахъ и ненавидящихъ насъ помолимся, о гонящихъ насъ за имя Господне помолимся, чтобы Господь, укротивъ ярость ихъ, разсѣялъ гнѣвъ ихъ противъ насъ. О внѣшнихъ и заблудшихъ помолимся“. Архіерей затѣмъ также произносилъ: „Еще молимся Тебѣ и о ненавидящихъ насъ и гонящихъ насъ за имя Твое, за внѣшнихъ и заблудшихъ, чтобы Ты обратилъ ихъ ко благу и укротилъ ярость ихъ“³⁾. Подъ внѣшними здѣсь разумѣютъ нехристіанъ, а подъ заблудшими еретиковъ⁴⁾.

Молитвы за заблудшихъ объ ихъ обращеніи въ той или иной формѣ входятъ въ составъ литургіи греческой Св. ап. Іакова⁵⁾, сирской св. ап. Іакова⁶⁾ св. ап. Фадея и Марія⁷⁾ греческой и сирской литургіи св. Василия Великаго⁸⁾, Коптской литургіи св. Кирилла Александрійскаго⁹⁾, литургіи св. ап. Марка.

Въ послѣдней, наприм., священникъ долженъ молиться о заблудшихъ, чтобы Богъ привелъ ихъ на путь спасенія и присоединилъ ихъ къ святой Его паствѣ¹⁰⁾.

1) Сочиненія св. Иринея, еп. Ліонск. Спб. 1908 г. Пять кн. противъ ерисей, кн. 3, гл. 25, стр. 316.

2) Сочиненія св. Іустина философа. Москва 1892 г. Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ гл. XVIII, стр. 189. Срав. гл. 108.

3) Собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ. Выпускъ I. Спб. 1874 г., стр. 109 и 129.

4) Тамъ же Примѣчаніе на стр. 109.

5) Тамъ же стр. 167 и 179.

6) Выпускъ II, Спб. 1875 г. стр. 16.

7) Выпускъ IV, Спб. 1877 г. стр. 23.

8) Выпускъ II. Спб. 1875 г. стр. 74, 100, 102.

9) Выпускъ III Спб. 1876 г., стр. 64.

10) Собраніе древнихъ литургій. Выпускъ III, стр. 36 и 38.

Въ книгѣ „Кормчая“ въ главѣ XV при толкованіи 66 правила собора Карфагенскаго объ отношеніи къ древнимъ раскольникамъ данатистамъ разъясняется, что къ отпавшимъ отъ Церкви нужно приходить съ кротостью, бесѣдовать съ ними и молиться о нихъ, чтобы оставили прелесть и познали истину¹⁾. Далѣе въ Православномъ Исповѣданіи Кафолической и Апостольской Церкви Восточной идетъ рѣчь о молитвахъ за еретиковъ и раскольниковъ, чтобы они обратились къ вѣрѣ православной *прежде конца своей жизни*“²⁾.

Такимъ образомъ вполне справедливо сдѣланное въ формѣ вопроса замѣчаніе бл. Августина: „Когда же не возносилась въ Церкви молитва за невѣрныхъ и за враговъ Христовыхъ, чтобы они увѣрвали?“

Значеніе подобной молитвы хорошо разъясняетъ св. Іоаннъ Златоустъ. „Священникъ“, говоритъ онъ, „есть какъ бы общій отецъ вселенной. Поэтому прилично ему заботиться обо всемъ подобно тому, какъ печется о всѣхъ. Богъ, на службу Которому онъ поставленъ. Вслѣдствіе того апостолъ и заповѣдуетъ молиться за всѣхъ. Отсюда проистекаютъ два блага. Съ одной стороны черезъ это разрушается ненависть, которую иные питаютъ ко внѣшнимъ (не принадлежащимъ къ Церкви), потому что никто не можетъ питать враждебныхъ чувствъ къ тому, о комъ моленіе творить. Съ другой— и они становятся лучше отчасти потому, что за нихъ возносятся молитвы, отчасти и потому, что они отлагаютъ ожесточеніе противъ насъ. Подлинно ничто не содѣйствуетъ столько успѣху ученія, какъ то, чтобы любить и быть любимымъ. Подумай также о томъ, что значило для тѣхъ, которые злоумышляли, наносили побои, изгоняли, умерщвляли христіанъ, услышать, что тѣ, которые переносятъ такіа страданія, возносятъ къ Богу прилежныя молитвы за причиняющихъ имъ эти страданія. Видишь-ли, въ какой степени согласно съ желаніемъ апостола христіанинъ долженъ быть выше всѣхъ?“³⁾ Подобно тому, какъ къ малымъ дѣтямъ нисколько не уменьшается любовь, хотя бы дитя взятое на

1) Правила св. Соборовъ съ толкованіями. Выпускъ V Москва 1903 г. стр. 591.

2) Часть I. Отвѣтъ на вопросъ 92.

3) Бесѣды на 1 посланіе къ Тимофею. Бесѣда VI томъ XI, кн. 2 стр. 658 Сиб. 1905 г.

руки даже ударило своего отца по лицу, такъ и мы нисколько не должны уменьшать нашей любви ко внѣшнимъ, хотя бы мы переносили отъ нихъ и удары“ ¹⁾).

Нужно очень пожалѣть, что высшее церковное управленіе, послѣ объявленія Толстого отпавшимъ отъ Церкви, не призвало вмѣстѣ съ тѣмъ къ совершенію церковной молитвы объ его обращеніи. Правда, въ опредѣленіи св. Синода отъ 20—22 Февраля 1901 года № 557 съ „посланиемъ вѣрнымъ чадамъ Православной Грекороссійской Церкви о графѣ Львѣ Толстомъ“ св. Синодъ въ концѣ посланія высказываетъ, что, свидѣтельствуя объ отпаденіи Толстого отъ Церкви, „вмѣстѣ молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумъ истины. Молимтися, милосердый Господи, не хотяи смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его къ святой Твоей Церкви“. Но эта молитва св. Синода, какъ видимъ, вполнѣ соответствующая требованію церковнаго сознанія, кажется, такъ и осталась лишь на бумагѣ. По крайней мѣрѣ никакого распоряженія о совершеніи церковныхъ молитвъ за Толстого сдѣлано не было, и многіе духовные лица считали ихъ даже невозможными. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Россіи пожелали отмѣтить восьмидесятилѣтнюю годовщину со дня рожденія Толстого, были случаи попытокъ просить нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ о совершеніи за Толстого церковныхъ молитвъ. Но въ этомъ было отказано. Конечно, мы не имѣемъ здѣсь въ виду тѣ просьбы, которыя вызывались не вѣрой въ значеніе Церкви и не признаніемъ необходимости для Толстого обращенія къ ней, а стремленіемъ устроить демонстрацію.

Между тѣмъ церковныя молитвы объ обращеніи Толстого въ день его юбилея могли бы пріобрѣсти большое значеніе и въ разныхъ отношеніяхъ благотворно повліять на Толстого. Они, какъ указываетъ св. Іоаннъ Златоустъ, могли бы способствовать уничтоженію того ожесточенія къ Церкви, какое иногда обнаруживалъ Толстой. Возможность этого подтверждается самими обстоятельствами кончины Толстого, въ которыхъ чувствовались проблески какого-то нпаго съ его стороны отношенія къ Церкви и какой-то трагедіи въ его душѣ. Во всякомъ случаѣ полученіе извѣстія о смерти Толстого у

¹⁾ Полное собраніе твореній т. XI кн. 2 стр. 658 Беседа VI на 1 по-славіе къ Тимофею.

многихъ преданныхъ Церкви людей сопровождалось, какъ намъ они говорили, какой-то непонятной тяжестью на душѣ и какимъ-то неяснымъ ощущеніемъ неисполненія своей обязанности. Можетъ быть это было вызвано именно недостаточностью церковной молитвы объ обращеніи Толстого или, можетъ быть, сознаниемъ, что члены Церкви не пожелали или не сумѣли, примѣняясь къ запросамъ Толстого, раскрыть ему во всей полнотѣ и величїи церковную идею въ христіанствѣ. Вѣдь нужно же признаться, что при жизни Толстого этого не было сдѣлано, и можетъ быть по причинѣ именно этого многое у него, повидимому, основано на недоразумѣнїи или на постороннемъ вліяніи, отъ котораго онъ былъ не въ силахъ освободиться. Кто знаетъ, можетъ быть недоразумѣніе, во время разъясненное, или вліяніе, во время ослабленное, удержали бы Толстого отъ дальнѣйшаго движенія по пути отверженія основаній христіанства и среди нихъ Церкви.

Во всякомъ случаѣ мы, современники Толстого, въ качествѣ представителей Православной Церкви, едва-ли можемъ спокойно умыть руки въ отношеніи къ тому, что произошло съ этимъ во многомъ очень несчастнымъ человѣкомъ, одареннымъ великимъ литературно - художественнымъ талантомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а Толстой, къ несчастью, умеръ безъ раскаянія и соединенія съ Церковью.

Не касаясь здѣсь вопроса о возможности спасенія для такихъ умершихъ, мы во всякомъ случаѣ должны признать, что путь спасенія намъ указанъ лишь черезъ Церковь и совершенно ничего не открыто о какомъ-либо иномъ пути для человѣка послѣ его смерти. Поэтому вѣроятно, Церковь разрывала уже всякія отношенія къ лицамъ умершимъ внѣ общенія съ нею, предавая ихъ милосердію Божію. Замѣчательно, что тотъ же св. Іоаннъ Златоустъ, который такъ настойчиво выяснялъ возможность и даже необходимость церковныхъ молитвъ за людей живыхъ, находящихся внѣ Церкви и даже враждебныхъ ей, рассуждаетъ иначе, когда вопросъ касается такихъ людей уже умершихъ. Вотъ что говоритъ св. І. Златоустъ: „Не напрасно установили апостолы, чтобы при совершенїи страшныхъ таянъ поминать усопшихъ. Они знали, что отъ этого много имъ выгоды и

много пользы, когда весь народъ и священный ликъ стоитъ съ воздѣяніемъ рукъ и когда предлежитъ страшная жертва, то какъ не умолить Бога, прося о нихъ (умершихъ). Но это,—прибавляетъ Златоустъ,—„говоримъ о тѣхъ, которые скончались въ вѣрѣ“. Даже умершіе оглашенными, по утверженію Златоуста, лишены такой молитвенной помощи и онъ совѣтуетъ подавать за нихъ бѣднымъ въ надеждѣ, что это можетъ доставить имъ нѣкоторую отраду ¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ не напрасными называетъ молитвы за литургіей „о всѣхъ во Христѣ умершихъ“. ²⁾

Поминовеніе на литургіи умершаго въ глазахъ, наприм., св. Феодора Студита, является принятіемъ его въ православное общеніе. Поэтому св. Феодоръ, по его собственному утверженію, воспретилъ поминать въ церковныхъ молитвахъ одного еретика, умершаго безъ соединенія съ Церковью. Это распоряженіе онъ объяснилъ тѣмъ, что какъ можно вчинять такого въ православное общеніе, когда онъ отошелъ въ общеніи съ ересью. ³⁾

Подобно этому и въ разныхъ древнихъ литургіяхъ, содержащихъ молитвы о живыхъ врагахъ христіанства, мы совершенно не находимъ молитвъ о людяхъ умершихъ внѣ общенія съ Церковью. Молитвы объ умершихъ имѣютъ въ виду исключительно „усопшихъ вѣрныхъ“, ⁴⁾ въ истинной вѣрѣ ⁵⁾

¹⁾ Полное собраніе твореній. т. XI, стр. 248 III бесѣда на посланіе къ Филиппіанамъ.

²⁾ Тамъ же т. Хкв. стр. 430. Спб. 1904 г. Бесѣда 41 на I посланіе къ Коринфянамъ.

³⁾ Наставленія св. Феодора Студита. Добротолубіе въ русскомъ переводѣ томъ IV. Москва 1889 г. стр. 643.

⁴⁾ Собраніе древнихъ литургій. Выпускъ II Спб. 1875 г. Сирская литургія св. ап. Іакова стр. 9, 13. Выпускъ IV Спб. 1877 г. Литургія Мозарабская стр. 130, 143 и 153. Выпускъ V Спб. 1878 г. литургія Медиоланская стр. 20. Выпускъ I Спб. 1878 г. литургія апостольскихъ постановленій, стр. 132. Выпускъ III литургія св. ап. Марка, стр. 34.

⁵⁾ Сирская литургія ап. Іакова, стр. 36 Сирская литургія св. Василия Великаго, стр. 102 Литургія св. Іоанна Златоустаго стр. 127. Литургія св. Григорія просвѣтителя Арменіи, стр. 188, 209, 213. Выпускъ III Спб 1876 г. Контская литургія св. Кирилла Александрійскаго стр. 59. Общая Ефіопская литургія стр. 90, 102 и 108. Выпускъ IV. Спб. 1877 г. Литургія Несторія, стр. 51.

или въ надеждѣ воскресенія къ жизни вѣчной ¹⁾, скончавшихся, тѣхъ, которые имѣли надежду на едиnorodнаго Сына Твоего ²⁾, умершихъ въ мѣръ съ Церковью, ³⁾ облекшихся въ Тебя въ крещеніи и принявшихъ Тебя съ жертвенника, ⁴⁾ тѣхъ, которые со знаменіемъ вѣры предварили насъ и спать сномъ мира. ⁵⁾.

Замѣчательно, что въ чинопослѣдованіи одной изъ древнихъ литургій Мозарабской при включеніи въ молитву священника передъ началомъ литургіи рядомъ прошеній за живыхъ и усопшихъ сказано „за грѣхи всѣхъ живыхъ и умершихъ вѣрныхъ“. ⁶⁾.

Если же во время такого богослуженія, какъ литургія, когда приносится Евхаристическая жертва, не встрѣчается молитвъ за умершихъ, отвергавшихъ основанія христіанства и Церковь, то уже одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что подобныя молитвы въ Церкви вообще не допущены.

Иначе, повидимому, приходится отвѣтить на вопросъ о возможности за такихъ людей молитвъ частныхъ или домашнихъ. Къ сожалѣнію, по этому вопросу нѣтъ какого-либо общецерковнаго рѣшенія, выраженнаго въ тѣхъ или иныхъ соборныхъ постановленіяхъ. Поэтому остается здѣсь пока руководствоваться или какимъ-либо преданіемъ или совѣтами людей, отличавшихся высотой духовной жизни и пониманіемъ цѣли и значенія молитвы.

По преданію, извѣстный подвижникъ Востока св. Макарій Великій, жившій въ IV вѣкѣ, совершалъ молитву даже за языческихъ жрецовъ. ⁷⁾ Но какое было содержаніе этой молитвы и когда она совершалась—объ этомъ ничего неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, еслибы это была обще-церковная молитва, то о содержаніи ея должны были сохраниться свѣ-

¹⁾ Выпускъ II Греческая литургія св. Василія Великаго, стр. 72. Литургія св. Іоанна Златоустаго.

²⁾ Выпускъ II Сирская литургія св. Василія Великаго стр. 88.

³⁾ Выпускъ IV, Спб. 1877 г. Литургія Галликанская, стр. 103, 104, 105.

⁴⁾ Выпускъ V. Спб. 1878. Литургія Медіолонская, стр. 22.

⁵⁾ Выпускъ V. Римская литургія по сокромѣторію папы Геласія I, стр. 62.

⁶⁾ Собраніе древнихъ литургій. Выпускъ IV. Спб. 1877. стр. 130.

⁷⁾ Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцовъ. Москва 1845 г.

дѣнія. Еслибы это была общеобязательная молитва, пригодная для исполненія всѣми, то Макарій Великій, естественно, научилъ бы и другихъ, какъ это сдѣлано имъ, наприм., относительно молитвъ, вошедшихъ во всеобщее употребленіе въ число молитвъ утреннихъ и на сонъ грядущимъ ¹⁾.

При указаніи на молитву св. Макарія о языческихъ жрецахъ нужно затѣмъ имѣть въ виду, что св. Мамарій Великій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, внутреннее состояніе которыхъ онъ характеризуетъ очевидно по собственному опыту слѣдующими чертами:

„Тѣмъ, которые сподобились сдѣлаться чадами Божиими и въ себѣ имѣютъ просвѣщающаго ихъ Христа, различно и многообразно управляетъ Духъ, и въ сокровенности ихъ сердце согрѣваетъ ихъ благодать. Но всего лучше представить на видъ нѣкоторыя изъ видимыхъ мірскихъ наслажденій для уподобленія имъ Божественныхъ утѣшеній благодати въ душѣ. Ибо сподобившіеся сихъ утѣшеній иногда веселятся какъ-бы на царской какой вечери, и радуются какою-то невыразимою и неизреченною радостію; то соуслаждаются духовно, какъ невѣста съ женихомъ; то, какъ безплотные нѣкіе ангелы, чувствуютъ такую удобовидимость и легкость въ тѣлѣ, что не почитаютъ себя даже облеченными въ тѣло. Иногда они бывають приведены въ веселіе какъ-бы какимъ-то питьемъ, и упоеваются невыразимымъ упоеніемъ духовныхъ таинъ; иногда же въ плачѣ и сѣтованіи слезно молятся они о спасеніи всѣхъ человѣковъ; потому что горя Божественною духовною любовію ко всѣмъ человѣкамъ, воспріемлютъ на себя плачъ цѣлаго Адама; а иногда, при услажденіи духа, неопишимою словами, возгораются такою любовію, что, еслибы можно было, всякаго человѣка сердобольно укрыли бы они въ собственномъ лонѣ своемъ, не дѣлая никакого различія между худымъ и добрымъ; иногда столько унижаютъ себя, что не представляютъ и человѣка, который былъ бы ихъ ниже, но себя почитаютъ изъ всѣхъ послѣдними; то поглощаются неизглаголанною радостію Духа; то, подобно какому-нибудь сильному мужу, облекшемуся во всеоружіе царское, изшедшему на брань и обратившему въ

¹⁾ Св. Макарія Египетскаго. Бесѣды посланія и слова. Переводъ съ греч. Москов. Дух. академіи. Москва 1852 г. Писанія св. Макарія.

бѣгство сопротивныхъ, и они такимъ же образомъ, оградивъ себя духовными оружіями, выходятъ противъ невидимыхъ враговъ, и низлагаютъ ихъ къ ногамъ своимъ. Въ иное время окружаетъ ихъ великая тишина и безмолвіе, покоитъ миръ, и бываютъ они объаты чуднымъ услажденіемъ; въ другое же время разумніемъ, Божественною мудростію и неизслѣдимымъ вѣдѣніемъ Духа, по благодати Христовой, умудряются въ томъ, чего никакимъ языкомъ невозможно изречь; а бываетъ время, что увидишь ихъ ничѣмъ неотличающимися, по видимости, отъ каждаго изъ людей“¹⁾.

По разъясненію великихъ подвижниковъ христіанства содержаніе молитвы находится въ зависимости отъ степени духовной жизни человѣка. Молитва въ своемъ существѣ не есть лишь произнесеніе словъ, которыя не находятъ отклика въ душѣ, а является живымъ выраженіемъ потребности духа и свойственнаго ему интуитивнаго воспріятія Бога и мира. Молитва наша, наприм., о милости Божіей къ человѣку будетъ тѣмъ живѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ болѣе сердце наше наполнено расположеніемъ и милосердіемъ къ нему. Въ людяхъ подѣвліаніемъ не нужно христіанской жизни можетъ образоваться „милующее сердце“. Великій подвижникъ св. Исаакъ Сиріанинъ указываетъ, что это есть „возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи, о человѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы, отъ великой сильной жалости, объемяющей сердце. И отъ великаго терпѣнія умаляется сердце его и не можетъ оно вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію. А посему и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и объ естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его по уподобленію въ семь Богу“.²⁾

Очевидно, что молитва, исходящая отъ такого сердца, можетъ имѣть иной объемъ, иное содержаніе, чѣмъ обыкновенно.

¹⁾ Тамъ же Слово VI, о любви гл. 6, стр. 565—566.

²⁾ Творенія св. Исаака Сиріанина. Сергіевъ посадь 1911 г. Слово 48, стр. 205—206.

Она можетъ, такъ сказать, не вмѣщаться въ душу обыкновеннаго человѣка, оказаться для нея чѣмъ то внѣшнимъ, искусственнымъ и потому безплоднымъ. Она можетъ служить для насъ идеаломъ молитвы, а не примѣромъ, которому мы были бы въ состояніи сейчасъ же подражать исполнѣ.

Другое преданіе о молитвѣ за умершаго, не принадлежащаго къ Церкви, связано съ именемъ св. Феодора Студита, извѣстнаго борца за православіе въ VIII вѣкѣ во время иконоборческихъ смуть. Одинъ діаконъ обратился къ св. Феодору съ вопросомъ о молитвѣ за умершаго еретика иконоборца. Феодоръ Студитъ отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что за него допустима молитва, но домашняя, а не церковно-общественная.

Въ послѣднее время по вопросу о молитвахъ за людей умершихъ внѣ общенія съ Церковью высказывался, наприм., недавно усопшій русскій подвижникъ и богословъ епископъ Теофанъ, много сдѣлавшій для разъясненія разныхъ сторонъ духовной жизни человѣка. Одно лицо обратилось къ еп. Теофану съ вопросомъ, какъ поминать умершихъ въ сектантствѣ родителей.

„Въ своей частной молитвѣ, писалъ ему еп. Теофанъ, поминайте ихъ и молитесь о нихъ, обращаясь къ безпредѣльной милости Божіей и ей предавайте ихъ участь. Въ церкви же нечего ихъ поминать. Церковь молится о чадахъ своихъ, да сохраняютъ вѣру свою и преуспѣваютъ въ ней, о сущихъ же внѣ Церкви молится обратить ихъ къ вѣрѣ и присоединить къ Церкви. Какъ обращеніе сіе должно совершиться здѣсь на землѣ, то и сила сей молитвы ограничивается пребываніемъ на землѣ тѣхъ, о коихъ идетъ молитва... Предайте Богу участь родителей своихъ и молитесь о нихъ въ своей частной молитвѣ сотворить съ ними по Божію милосердію и по вѣрѣ вашей въ сіе милосердіе“¹⁾.

Другое авторитетное въ дѣлѣ духовной жизни лицо, Оптинскій старецъ о. Амвросій, имѣлъ случай дать совѣтъ по поводу молитвы за самоубійцъ. Извѣстно, что самоубійство, совершаемое въ состояніи вмѣняемости, является тяжкимъ

¹⁾ Собраніе писемъ Епископа Теофана. Выпускъ III. Москва 1898 г. Письмо 479, стр. 128—129.

грѣхомъ уже въ силу того, что оно сразу же лишаетъ человѣка возможности покаянія.

Одну изъ основныхъ заповѣдей „не убій“ нѣтъ основанія ограничивать лишь понятіемъ другаго. Она воспрещаетъ всякое убійство человѣка и не менѣе другихъ самого себя. Христіанство указываетъ, что мы должны въ теченіе нашей жизни выработать въ себѣ христіанскую личность. Въ насъ всю жизнь долженъ происходить процессъ образованія внутренняго человѣка (2 Коринѣ. IV, 16). Съ достиженіемъ свойственной данному лицу степени развитія этотъ внутренній человѣкъ подобно гусеницѣ, сбрасывающей свою внѣшнюю оболочку и обращающейся въ бабочку, улетаетъ изъ тѣла въ иной міръ. Убійство себя есть насильственное прекращеніе этого жизненнаго процесса, оно прерываетъ духовное развитіе человѣка, можетъ быть въ самый вредный для него моментъ и вызываетъ появленіе какого-то духовнаго недоноска, уже въ силу этого обреченнаго на тѣ или другія страданія. Нечего, конечно, и говорить, что такое насильственное прекращеніе своей жизни свидѣтельствуетъ не о силѣ, а о слабости духа человѣка, особенно ярко выражающейся въ неумѣннѣ поддерживать жизненный интересъ.

Поэтому, естественно, что древнія церковныя правила воспрещаютъ молитвы и приношенія за самоубійцъ. На священно-служителей, согласно 14 каноническому отвѣту св. Тимофея Александрійскаго, возлагается обязанность тщательно изслѣдовать въ какомъ состояніи произошло самоубійство, внѣ ума или нѣтъ. Близкіе люди предупреждаютъ это правило, часто скрываютъ правду и объявляютъ самоубійцу дѣйствовавшимъ безъ ума, желая добиться за нихъ молитвъ и приношеній. Если окажется, что человѣкъ убилъ себя отъ малодушія, подъ вліяніемъ обиды или по какому либо другому случаю, то о такомъ, какъ сказано въ правилѣ, не подобаешь быть приношенію ¹⁾. Въ связи, очевидно, съ этимъ церковнымъ правиломъ старецъ Амвросій писалъ одной монахинѣ, что по церковнымъ правиламъ поминать самоубійцу въ церкви не слѣдуетъ, а сестра и его родные могутъ молиться о немъ келейно, какъ старецъ Леонидъ разрѣшилъ Павлу Тамбовцеву молиться объ его родителяхъ. Выпиши эту

¹⁾ Правила св. отцовъ съ толкованіями. Москва 1884 г. стр. 530—532.

молитву (она напечатана въ приложеніи къ жизнеописанію старца Леонида), и дай ея роднымъ несчастнаго. Намъ извѣстны, прибавляетъ о. Амвросій, многіе примѣры, что молитва, переданная старцемъ Леонидомъ, многихъ успокаивала и утѣшала, и оказывалась дѣйствительною передъ Господомъ ¹⁾).

Очевидно, о. Амвросій имѣетъ здѣсь въ виду—слѣдующій случай. У одного изъ почитателей старца Леонида, въ схимѣ Льва, Павла Тамбовцева, отецъ окончилъ жизнь самоубійствомъ. Великая скорбь по этому поводу охватила сына, и онъ просилъ наставленія и утѣшенія у старца. „Вручай, отвѣчалъ ему о. Леонидъ,—какъ себя такъ и участь родителя волѣ Господней, премудрой, всемогущей. Не испытывай Вышняго чудесь. Старайся смиренномудріемъ укрѣплять себя въ предѣлахъ умѣренной печали. Молись Преплагому Создателю, исполняя тѣмъ долгъ любви и обязанности сыновней“. Въ разъясненіе же того, какимъ образомъ совершать молитву, старецъ Леонидъ поучалъ: „по духу добродѣтельныхъ и мудрыхъ,—такъ: Взыщи Господи погибшую душу отца моего; аще возможно есть, помилуй. Неизслѣдимы судьбы Твои. Не постави мнѣ въ грѣхъ сей молитвы моей. Но да будетъ Святая воля Твоя! Молись же просто, безъ испытанія, передавая сердце твое въ десницу Вышняго. Конечно, не было воли Божіей на столь горестную кончину родителя твоего; но нынѣ онъ совершенно въ волѣ Могущаго и душу и тѣло ввергнуть въ пещь огненную, и Который и смиряетъ и выситъ, мертвитъ и живитъ, низводитъ въ адъ и возводитъ. При этомъ Онъ столь милосердъ, всемогущъ и любвеобиленъ, что благія качества всѣхъ земнородныхъ передъ Его Высочайшею благостію—ничто. Для сего ты не долженъ чрезмѣрно печалиться. Ты скажешь: „я люблю моего родителя, почему и скорблю неутѣшно“.—Справедливо. Но Богъ безъ сравненія болѣе, чѣмъ ты, любилъ и любитъ его. Значитъ тебѣ остается предоставить вѣчную участь родителя твоего благости и милосердію Бога, Который, если соблаговолитъ миловать, то кто можетъ противиться Ему“ ²⁾).

¹⁾ Собраніе писемъ Оптинскаго старца Иеросхимонаха Амвросія къ монашествующимъ. Выпускъ II. Сергіевъ Посадъ 1909 г. Письмо 338, стр. 106.

²⁾ Жизнеописаніе Оптинскаго старца Леонида, 1-е приложеніе.

Возвращаясь къ вопросу о молитвѣ за Л. Н. Толстого, мы не можемъ, конечно, относить непосредственно къ нему всѣ эти мнѣнія выдающихся по своей духовной жизни людей, высказанныя по другимъ случаямъ и относительно другихъ лицъ съ инымъ настроеніемъ. Но все-таки въ этихъ мнѣніяхъ мы находимъ нѣкоторыя заслуживающія вниманія данныя по вопросу о молитвѣ за людей умершихъ внѣ общенія съ Церковью, къ какимъ принадлежитъ и Толстой.

Такимъ образомъ священникъ, по поводу письма котораго въ газетѣ идетъ рѣчь, если у него въ достаточной степени образовалось „милующее сердце“, еще могъ совершить на могилѣ Толстого, примѣняясь къ особенностямъ его личности, свою частную молитву, а никакъ не церковное отпѣваніе.

Н. Кузнецовъ.
